

Отзвуки войны

ЛЮДМИЛА КЕБІЧ

ПАМ'ЯЦІ АГОНЬ

Не гасяе пам'яці агонь,
Да глыбіню душы апыкае,
Шавяліць лабеленую скронь
Успынаю і не адлускае.

За табою блукае, нібы ценя,
І жыве заўжды з табою побач,
Развядзіць кожны новы дзень
І спляскою набяжыць у поўнач.

...Зноў аркестр грае духавы
Развітанне спынае спаваня.
Зноў змяшаны водар лугавы
З даўнім пахам танкавай саляркі.

І гарыць радзімая зямля
Пад нагамі ненавісных фрыцаў.
Зноў не аддадзім мы ні камяля,
Ні паўляды нашае зямляцы.

І сціскае зубы і далонь
Распач перажытка мж волі...
Не гасяе пам'яці агонь –
Не забяць былога нам ніколі.

ТАЦЦЯНА ЯЦУК

БЕССМЯРОТНЫ ПОЛК

Зямля замаладзілася вясною
І незвычайнай дзіўнай цёпльнай,
Такім жаданым для людзей спакоем –
Найдарагім, што не ў сябрах з вайной.

Мой нараджэння час – вясновы ранак,
Далёкі ад апошняе вайны.
Турбуюць сэрца распачы званы,
Ды крывацотаць даўнішнія раны.

Я не дзіця вайны, ды усё ж так горка
У сэрцы адкілаеца Хатынь...
Звініць набатам боль усю святань,
І перамогай пахне дзеда гімнасцёрка.

На вуліцах сцягоў пашчотны шоўк,
Святкуе горад дату Перамогі,
Да плошчы ўсё збягаюцца дарогі:
Праз вечнасць крочыць бессмяротны полк.

І не старэюць пам'яці гады,
Ды іх не вырастліш з былых падзеяў.
І толькі на бясмярны дзень надзея
Лагодзіць спадзяваннем гарады.

ЛЮДМИЛА ШЕВЧЕНКО

С ТОЙ ДАЛЕКОЙ ВОЙНЫ...

С той далекой войны
Лет немало прошло,
Отремели бои,
И сравнялись окопы.

С той далекой войны
Много вод утекло,
И травой заросли
Партизанские тропы.

Мы о времени том
Знаем лишь из кино,
Книг, рассказов
Былых ветеранов.

Нынче – мир,
Только память людей все равно
И шепит, и болит,
Как открытая рана.

Тем, кто жизнью своей
Наше детство сберег,
До земли до самой
Поклонимся низко.

Сколько их,
Этих братских могил у дорог,
Скорбных стел,
Безымянных порой обелисков.

БРАЌІСЛАУ ЕРМАШКЕВІЧ

ВАЙНА ПРАЙШЛА ЦЕРАЗ МЯНЕ

Не ваяваў я ў сарак першым,
Райхстаг грамілі без мяне.
Хоць і хадзіў пад стол я лешшу,
Ды усё ж пабыў я на вайне.

Вайна мяне не прамінула,
Прайшла польным па мне,
Затым смяротнасцю дыхнула.
Я захлынуўся ў той вайне.

Яна наганам пагражала,
Хацела знішчыць, растаптаць,
Але рука вайны дрыкала:
Народны дух ёй не зламаць!

А колькі тэба было сілы
Пераадолець страх і боль?!
Наўкола брацця магілы –
Нам напамін пра жорсткі бой.

Я з пакалення тых, нямногіх,
Хто быў дзіцём ліхой вайны,
Хто дачкаўся Перамогі
У той шчаслівы дзень вясны.

Не ваяваў я ў сарак першым,
Ды усё ж пабыў я на вайне.
Таму пішу пра гэта вершы –
Вайна прайшла цераз мяне.

ДМИТРИЙ РАДИОНЧИК

ОДИН ИЗ ТЫСЯЧ

очерк

Наверняка в нашей стране не найдется семьи, которую не затронуло бы лихолетье Великой Отечественной. Я хочу рассказать про моего деда. Мой дед, отец моей матери, Королёв Пётр Ермолаевич родился 30 октября 1908 года в деревне Великое Село Лизинского района Витебской губернии. Участник Великой Отечественной войны. Имеет боевые награды: медаль «За Отвагу», медали «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отече-

ственной войне 1941–1945 гг.», орденом Отечественной войны II степени. Взял в руки оружие в 41-м, когда ему исполнилось тридцать три года (возраст Христа), на тот момент являлся отцом двоих детей.

Если в двух словах попытаться описать его личность, думаю, наиболее точными характеристиками будут мужество и скромность. Дед не любил пафоса, с трудом выносил повышенное внимание к своей персоне. Что было вполне закономерно. Ничем особо выдающимся он не отличался, не числился в передовиках, не имел лидерских качеств, не лез в политику... Обычный человек. Один из тысяч. О таких принято иронично говорить: «Не был, не состоял, не участвовал». Но войну прошел. Испил до дна её горькую чашу.

Писать сегодня о таких людях нелегко – явную недостаточность эпического колорита, ореола героизма, так сказать, масштабности образа. И, несмотря на все это, дед был личностью цельной и гармоничной. Окончил всего четыре класса церковно-приходской школы. И работал. Вся жизнь работал физически: кузнецом, железнодорожником в вагонном депо.

Сведений о его фронтовом пути, к сожалению, сохранилось очень мало. Говорил о войне неохотно. На воспоминания был скуп. Сказывалась его природная

скромность. Да и боль, жгучую, пронзающую сердце боль, по всей видимости, причиняли деду эти воспоминания.

Доводилось по несколько суток сидеть в болоте под носом у фрицев, утоляя голод жеванием кожаного ремня. И в рукопашную ходить приходилось. Вспоминал, как бежал в лехотные атаки с криком «ура» под аловещий свист пуля. А рядом один за другим, сраженными вражеским свинцом, падали его боевые товарищи. В этом месте дед всегда замолкал, и в глазах его начинала блестеть непослушная влага. Так обычно заканчивались все его рассказы. А военных фотоснимков моего деда, к сожалению, не сохранилось. Да и были ли они вообще – это ещё вопрос.

Когда началась война, гвардии красноармеец, а позже рядовой Пётр Королёв воевал в составе различных воинских частей на Первом Украинском и Втором Белорусском фронтах. Полученную в самом конце войны, главную свою боевую награду – медаль «За отвагу» дед заслужил в составе минометной роты. В выписке из наградного приказа об этом говорится: «Наградить наводчика миномета 1-й минометной роты, гвардии красноармейца Королёва Петра Ермолаевича за то, что он 26.03.1945 г. при уничтожении окруженной группировки немцев проявил мужество и отвагу. Противник неоднократно переходил в яростные контратаки. Пётр Королёв в составе расчета находился на открытой огневой позиции и вел бесперебойный огонь по врагу, в результате чего только за один день было

отбито 3 контратаки противника, противник оставил на поле боя от огня миномета 27 солдат». Предметами гордости нашей семьи среди боевых реликвий деда были и остаются наградные листки-благодарности от командования – за овладение городами Фридрихсбург и Преисш-Эйлау (Восточная Пруссия), а также за взятие Берлина.

Я благодарен судьбе за то, что дед смог весьма активно участвовать в моем воспитании. Теперь я нет-нет да и замечу у себя унаследованные черты этого родного мне человека. У деда все и всегда было в полном порядке с чувством юмора. Байки и прибаутки из уст деда сыпались непрерывным потоком. Его шутки, добрые, незатейливые, местами чуть грубоватые, но всегда остроумные, всегда к месту, согревая душу, оживают в памяти и сегодня. Доброе слово всегда сопровождало его на нелепых путях житейских. На войне – как источник силы. В мирные годы – как незаменимая опора для существования.

Еще дед очень любил животных. Подковывать лошадей – о, это было его излюбленным занятием! Рядом с ним постоянно можно было видеть кошку, собаку, к которым он относился с нежностью. И, как правило, у них это было взаимным.

Еще дед очень любил животных. Подковывать лошадей – о, это было его излюбленным занятием! Рядом с ним постоянно можно было видеть кошку, собаку, к которым он относился с нежностью. И, как правило, у них это было взаимным.

не позволял себе выйти из дома даже в магазин, не побрившись и не надушившись одеколоном. Дед никогда ни на что не жаловался, демонстрировал поразительную силу воли и эмоциональную непоколебимость, в любых ситуациях сохранял самообладание. Вспоминаю, какую немислимую гордость испытывал я, шествуя рядом с дедом, когда в первые майские дни ему отдавали честь все восточные военнослужащие. Однажды дед признался нам, что в подкладку его фронтовой гимнастерки была шита молитва «Отче наш». Она оберегала солдата всю войну. Так и прошел он ее – с Богом, как и всю свою жизнь.

Как видите, в силу разных причин рассказ про деда получился не совсем героическим. И тем не менее. Безмерную сердечную благодарность за все, дань памяти и любви от внука он вполне заслужил. Думаю, люди подобного склада – скромные труженики, волевые, чистые душой жизнелюбы – и слагли настоящий советский народ. Несгибаемый, самодостаточный, мудрый. Этому народу было бы по плечу еще очень многое. Но, как известно, не имеет история сослагательного наклонения.

Деда не стало в апреле 1991 года. До распада СССР он не дождался. Есть мнение, что и не перенес бы таких глобальных политических потрясений – когда большая, единая страна, за которую четыре года ходил в атаку, которую потом без устали восстанавливал из руин, вдруг перестала существовать. Израненное болью сердце ветерана этого бы уж точно не выдержало. Как удивительно, думаю я сегодня – казалась бы, обычный человек. Ничем не выдающийся. А стал для меня недостижимым примером.

В стихах и прозе

ЕКАТЕРИНА КОЛОМИЙЦЕВА

СЕСТРИЧКА

А когда бинтовала, то гладила спину руками.
Кровь стирала с виска, прижимаясь к широкой груди...
Она встала на колени могла пред любимыми богами,
Только б выжил да пережил все, что еще впереди.

Слезы капали в землю, как крупные камни-алмазы.
Только что ей с алмазов, какой нынче с этого толк?
Он ведь даже в девочку еще не влюбился ни разу.
От волнения на первом свидании ни разу не смолк.

Смолок от пули, пробившей насквозь молодую грудь.
Смолок от смерти товарищей, рядом познавших предел.
Как тащила она на себе не мальчишку – мужчину.
И молилась: «Дай Боже, чтоб выжил, чтоб он уцелел».

И молитва летела над смертью, над полем, над бездной,
Сокрушая и горе, и страх молодого бойца.
И вставала Победа и верой, и волей железной,
И безудержной жадной: идти за любовь до конца!

ЛИНА БОГДАНОВА

ЯБЛОНЬКА

дала. Недолго думая, солдат вздернул автомат. На крик выбежали из хаты дети. Облепили упавшую в траву мать. Заревели, запричитали. Насили увели сиротинку сердобольные сельские кумушки.

Вечером схоронили убитую под молодой яблонькой. Алевитина за старшую осталась. Пыталась уберечь братьев и сестренку.

Не удалось. Односельчане и сами страдали – кроме весенней зелени, продуктов в деревне почти не осталось. Но жалели сирот, понемножку принесли картошку, мед, сушеную рыбу, жиденькую похлебку. Тем и жили Павлючата. Вернее, пытались выжить.

К концу весны малыши совсем ослабли. Сильно зябли. Допоздна топили печку. Старались сохранять тепло, потому и выкошу пораньше закрывали. Как лучше хотели.

Одним прохладным майским утром Алевитина проснулась от страшной головной боли. С трудом доползла до дверей. Долго лежала в ледяной от росы траве, содрогаясь от равных позывов.

Нашел ее сосед. Откачал. А братьев с сестрой не сумел – утерли на смерть.

– Бог дал, Бог и взял, – недолго горевали сельчане, привыкшие к смерти за три года оккупации. И похоронили детишек рядом с матерью. А Алевитину вывели все миром.

После войны она упросила председателя колхоза останки не перехоранивать, а установить на могилке скромный памятник. И любимую мамину яблоньку берегла.

Вот только яблоки с нее в доме Павлючихи не ели. Но сушили. Что бы весной рано прилетающих птиц кормить. Да и зимой качались на скроченных временем яблоневых ветках расплюснутые птичь столбовые.

– Негоже в мирное время живности любой голодать, – рассуждала Алевитина.

И старалась накормить всякого, кто в том нуждался, – забравшего на огонек соседского ребятенка, бродячую собаку, одичавшего после отъезда хозяев кота. А уж для своих детей и внуков всегда готовила впрок. И самое вкусное. Словно долг отдавала. Тем, кого в войну прокормить да уберечь не смогла.

НАДЕЖДА САЛЕЙКО

БЕЛОРУССКИЕ АИСТЫ

Белорусские аисты – белые птицы с опаленными крыльями страшной войной. Ведь зовет же вас кто-то весной пеленать. Может, это лежачие здесь под звездой.

Омылаете ноги в сверкающих росах Отстрадавшей в боях, обновленной земли. И полощете их после небесной просянки. Все стараясь избавиться от цвета крови.

Вам готовим пнедровые в соседстве с домами. Позрослевших птенцов покружим над селом. Осеняете души живыми крестами. Оттого нам спокойно теперь и тепло.

ЗАЩИТНИКАМ БРЕСТА

«Начало, здесь было начало...» – Рефреном звучит и звучит. Не солнце тогда обжигало Всех тех, кто дочьяне лежит.

Все те, кто дочьяне безвестны, И те, кто гранитом одет, Они – написавшие Бресту Священный великий завет.

Здесь крепость бетона и стали, Что смотрят глазами бойниц. Здесь память, что в нас прорастает, Чтоб стать монолитом границ.

ВОЛЬГА АЛИЗАР

У ИМЯ ПЕРАМОГІ

Так таропка па вуліцах кроцьчыць вянона, Вокампаенна ў лістоту аддзельна дзэвы. За плугамі, як стужка, шыльчыць баразна. І баруды за душу жаўруковыя слевы.

Так прыгожа паўсюдна квітнеюць сады, З маладою травой гамоньчы дарогі. А я чую, як, плачучы, шыльчыць гады Бессмяротны радок «У імя Перамогі».

ІРІНА ВОЙТКА

ЯКОЮ ТЫ БЫЛА Б, МАЯ РАДЗІМА

Якою ты была б, мая Радзіма, каб не вайна, каб не фашызм працяглы. І колькі ты радзіла і ўзрадзіла б, калі б жыццё іх не было распяла.

А тыя, што загінулі заўчасна, вялікае змаганне б зрабіць у жыцці! Ці простае спазнаць людское шчасце: і мірна жыць, смяяцца і расці.

І шмат чаго зрабілі б для Айчыны будаўнікі, шахцёры, педагогі. Ды толькі па вайне сівых руках іх павялі кручастыя дарогі.

Якою ты была, мая Радзіма... Паўстала з дыму, попелу і агню. Зноў будавала, севала, радзіла. Ішла насустрэч будучаму дню.

Мая Радзіма, ты цяпер не тая: Ты – мірная, працоўная, святая. Мы твой народ, мы за цябе сцяюмо. Кейтней у міры, нібы сад вянона.

Заміраю на месцы, гляджу ў гарызонт. Прутылюся сэрцам да кожнай сцяжыні. Гэта, паўна, па іх шыбавалі на фронт Маладыя зусім хлапчуні і дзівчынкі.

Гэта, паўна, па іх ад цямна да цямна Несупынна сначалі людскоя жаданні, Каб хутчэй у нябыт адступіла вайна і спакоем у вокны глядзелі святанні.

Зараз ціша над намі трымае абрус, Супахой з дня на дзень ахінае парогі. І вянона прывячае мая Беларусь Бессмяротным радком «У імя Перамогі».

Легкий майский ветер срывал с цветков лепестки. Розоватые «снежинки» покрывали яркую зелень сада нежным лепестковым кружевом. Казалось, вернулась зима. Но Алевитине больше нравилось сравнение со свадебным нарядом невесты.

– Ну чем не фата? Да такую любую новобрачная за честь бы почла носить, – повторяла она вновь и вновь, навешав свою яблоньку в День Победы.

И не только с недавно посаженнейшей предшественницей деревцем говорила. Со всей ушедшей в войну родней. И беседовала. И песни пела. И качалась. И плакала, конечно.

А кто в такой день без слез обходится? Праздник-то со слезами на глазах. Даже в песне поется...

В старом доме уже давно никто не жил. Молодежь снести собиралась построенную до войны хату да новую выстроить. Рухи не доходили. Зато сад дети и внуки Алевитины берегли. Она уже и правнучкам наказала: «Пока меня помните, помните и тех, кто вас увидать хотел, да не смог».

Алевитина вспоминала войну нечасто – слишком уж больно врзалась та в душу испуганной пятнадцатилетней девочки. Разве что в снах война приходила без спроса. Взрывалась во тьме летящими мимо сада снарядями. Грохотала далекими пушками. Опугавала истощенными криками. Слегка заревом пожарщиц.

Женщина металась по постели, стонала, звала кого-то. С трудом вырвалась из дала дымного шумного чудовища. Шла на кухню. Пила воду с вареньем – сладкое успокаивало. Потом вилочала торшер, бралась за вязание. Уснуть удавалось лишь под утро. Если удавалось...

Война ранила ее семью не один раз. Сначала забрала отца. Тот так и не вернулся с фронта. Только в середине пятидесятых пришло извещение: «Пропал без вести».

Сорок первый пронесся мимо всех самолетов и грохотом танков. Сорок второй, сорок третий отметились голодом и суровым фашистским режимом. И прятаться приходилось, и по лесам отсиживаться.

Если бы не мама, пятерым маленьким Павлючатам, как называли их в деревне, не удалось бы дождаться немецкого отступления. Но упрямая Павлючиха умудрялась прокормить и одеть каждого ребенка. Шила-перешивала все, что под руку попадалось. Ловила рыбу на старом омуте. Силили по путам на зайцев ставила. Тайком, чтобы не отобрали вездесущие новые козлева, выращивала репу под старыми полудикими яблонями. Квасила в подполе уцелевшую от набегов полицаяв капусту. Сушила яблоки и ягоды.

Даже кур в баньке держала. От них и беда пришла. Трех несушек полицаи все-таки забрали. А четвертую Павлючихе удалось утаить. Думала она зарезать курицу да мясо высушить, чтобы на бульончики детям подольше растянуть. В саду уже подрост шавель да крапива, голубая весна повернула на лето.

– А там наши придут, – успокаивала она плачущих от голода и страха деток, отпаивая целебными отварами вместо первого, второго и третьего, – нам бы до наших продержаться. А там точно не пропадем.

Не дождалась. Угледел последний курицу проезжавший мимо немец. Хотел забрать. Хозяйка не